

ДОПОЛНЕНИЯ* К МОЕМУ ДНЕВНИКУ О ТОЙ, КОТОРАЯ ТЕПЕРЬ СОСТАВЛЯЕТ МОЕ СЧАСТЬЕ

Писано в 7 час. вечера, 7 марта, суб.

1. Перед своим описанием отношений моих к ней до 19 февраля я должен, однако, написать, что когда за несколько дней до этого я говорил с Ник. Иван. с тем, чтобы развлечь его, утешить, заставить бывать в обществе (это было у Мелантовича, который тогда жил уже у нас; он с Евг. Ал. Беловым играл в шахматы в зале, мы с Ник. Ив. ушли в гостиную), то я ему сказал, что он наверно нашел бы невесту, если бы посещал общество, потому что вот я гораздо холоднее его, а все-таки ж на-днях побываю у Стефани и если у меня нет аневризма, то я на-днях сделаю предложение. Из этого видно, что и до среды (18 февраля) я был уже в таких отношениях, которые вовсе нельзя назвать простым любезничаньем.

2. Палимпсестов сказал мне: «Вообрази, Николай Иван. уверяет меня, что ты влюблен». Я уверял его, что это самая невероятная вещь. — «Господи помилуй! Да каким же это образом? Вот видишь, как это было: мы после «Вильгельма Телля» приехали к нему; я был решительно взволнован «В. Теллем», даже плакал, и тут в волнении пошутил и стал уверять, что я влюблен; конечно, волнение, искренность чувства, вызванного «В. Теллем», отразились и тут, и он мог представить, что я взволнован любовью». Действительно, раньше, чем я в самом деле влюбился, я любил уверять, что я влюблен, как трезвый иногда любит приговариваться пьяным. А вот и вышло из смеха дело, из невероятно-го — действительное. На вечере музыканты. Вечер продолжался до 4½ часов.

3. Мое поведение было так странно и смело, что после она говорила (танцуя) Палимпсестову: «Станный человек этот Чернышевский; требует от меня случаев доказать свою любовь, хочет, чтоб я требовала от него доказательства любви» (это сказал мне Палимпсестов в разговоре 28 марта у него на квартире).

4. У Чесн. нашел я Фед. Дим., который только что возвратился со свадьбы Ал. Порфир. Иванова и был в восторге от сестры невесты и говорил, что если бы поставить ее рядом с Ольгою Сокр., то вот были бы две соперницы, из которых было бы трудно выбрать. «Ого, как она хороша, — думал я с восхищением: — влюблен и все-таки говорит, что не знает, которая лучше». Он продолжал: «И какая добрая девушка; прислуга любит ее, а это лучшее доказательство, что хороший характер и доброе сердце». — «А Ольгу Сокр. любит прислуга?» — «Любит; особенно один старик-лакей решительно души в ней не чает». Как это меня успокоило, однако я знал, что это должно быть так.

* Относятся к стр. 410—412 настоящего издания. *Ред.*

5. «Венедикт мой любимый брат». — «Я его не люблю». — «За что же?» — «За то, что в нем нет того, за что я люблю вас (т.-е. демократического направления)».

6. Она сидела на диване в бабушкиной комнате, Катерина Матв. у второго окна на улице. Итак, сначала я сидел подле Кат. Матв., после пересел к Ольге Сокр.

Писано 14 марта в 12 часов вечера.

7. Мне, наконец, сказал Палимпсестов, что хозяева (собственно Бусловская) находят, что я уже слишком зашалился. Да и в самом деле, кажется, уж я очень шалил.

8, лист 1. Она после говорила мне, что это было чрезвычайно странно, что это даже показалось ей слишком дерзко прямо в первый раз объясниться в любви, но что она подумала: «Оскорбиться мне или не показывать этого? обратиться в шутку? лучше обращаю в шутку!» О, как она мила, добра и умна!

9. 2 лист, 1 стр. Она в самом деле приняла это за оскорбление, как я теперь вижу после этих слов ее, которые записаны в 8 примечании.

10. . . . Вы требуете от меня, чтобы требовала от вас доказательства любви; если так, сказала она, прежде всего бросьте вашу папироску. Я загасил ее.

11. . . . Неужели вы считаете, что я так глупа, что могу этому верить? — Почему же? То, конечно, я шутил, когда уверял вас в моей пламенной любви, но теперь я не говорю ничего такого.

12. . . . Она, кажется, принимала это и в этот раз за слухи о том, что она держит себя слишком свободно, потому что и раньше уж говорила несколько раз на мои подобные выражения, что я люблю ее за то, что слышал о ней. — Отвечала на это, что она знает, что о ней говорят очень много дурного.

Теперь прочитал 1 страницу 2 листа. Ложусь.

ДНЕВНИК. МАРТ, 1853.

Писано 4 марта, 8^{1/2} час. утра.

Жизнь моя с 19 числа [февраля] стала так богата, что я хочу, чтобы можно было всегда мне припомнить день за днем события, которые все перемешаны, все просветлены мыслью о ней. Через эту мысль о ней и они становятся для меня милы.

4, среда. В гимназию не пойду, потому что не совсем еще прошла охриплость и боюсь, что напряжение голоса в гимназии увеличит ее. Утро все буду заниматься поверкою своего словаря (теперь я поправляю пропущенные и неправильно отмеченные цифры, это ныне кончу). Вечером должен к Николаю Иван., чтобы быть у Стефани. Вечера был вечером у Анны Никаноровны, ко-